

«Замысел бежать. О бегстве калмыков в Китай»: рукопись Н. Н. Пальмова из фонда Р-145 Национального архива Республики Калмыкия по истории откочевки большей части калмыцкого народа в 1771 г.

Евгений Джалович Орлов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник, аспирант

 0000-0002-3522-1239. E-mail: orloved@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Орлов Е. Д., 2022

Аннотация. *Введение.* В Национальном архиве Республики Калмыкия хранится личный фонд профессора Н. Н. Пальмова (фонд Р-145) — видного ученого-историка, стоявшего у истоков калмыковедения. Среди разных исследовательских проблем, привлекавших внимание Н. Н. Пальмова и других калмыковедов, выделяется тема откочевки большей части калмыцкого народа с территории нижневолжских степей в Китай в 1771 г., которая обернулась колоссальными демографическими потерями. Причины, побудившие хана Убаши увести две трети народа на Восток, а также сам ход откочевки являются одними из самых изучаемых вопросов в калмыковедении. *Цель* данной статьи — рассмотреть один из документов из фонда Н. Н. Пальмова, дать оценку его информационного потенциала и представительности для изучения истории Калмыкии. *Результаты.* Архивный документ представляет значительный интерес, поскольку в нем, во-первых, раскрывается переписка царских чиновников с Санкт-Петербургом касательно ухода калмыков, во-вторых, в тексте имеются собственные пометки Н. Н. Пальмова на полях, которые акцентировали внимание на тех фактах, которые ученый считал наиболее важными. Источник демонстрирует комплексность проблемы. Пометки

на полях текста, подчеркивания, как казалось самому исследователю, самого важного демонстрируют его собственный взгляд на это историческое событие, что имеет свою ценность для изучения деятельности Н. Н. Пальмова, его жизнеописания.

Ключевые слова: Н. Н. Пальмов, откочевка калмыцкого народа, Н. А. Бекетов, хан Убаши, Калмыцкое ханство, Екатерина II, калмыки
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Орлов Е. Д. «Замысел бежать. О бегстве калмыков в Китай»: рукопись Н. Н. Пальмова из фонда Р-145 Национального архива Республики Калмыкия по истории откочевки большей части калмыцкого народа в 1771 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 10–35. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-10-35

‘The Intention to Flee. Kalmyk Exodus to China Reviewed’: Revisiting N. Palmov’s Manuscript on the 1771 Kalmyk Exodus Housed by Kalmykia’s National Archive (Collection P-145)

*Evgeniy D. Orlov*¹

¹Kalmyk Scientific Center of RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-3522-1239. E-mail: eug3ne.orlov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Orlov E. D., 2022

Abstract. Introduction. The National Archive of Kalmykia houses personal papers of Professor Nikolai N. Palmov (Collection P-145), a remarkable academic historian to have pioneered Kalmyk studies. The Kalmyk exodus of 1771 to China that turned a demographic collapse has attracted attention of both N. Palmov and other researchers. The reasons to have caused Khan

Ubashi's eastwards resettlement of two thirds of Kalmyks and the migration proper still remain most actively explored issues of Kalmyk studies. *Goals.* The article aims to examine one document from the Palmov Collection and evaluate its information potential for historical research. *Results.* The archival unit is of essential interest since it mentions correspondence between local and St. Petersburg executives pertaining to Kalmyk exodus, and contains N. Palmov's notes (in margins) that served to emphasize the facts he was considering of utmost importance. The source attests to somewhat complex nature of the issue. The paper presumes the notes and underlinings tend to express N. Palmov's personal accounts of the historical event, which may prove instrumental in deeper understanding of the scholar's activities and life.

Keywords: N. N. Palmov, Kalmyk exodus, N. A. Beketov, Khan Ubashi, Kalmyk Khanate, Catherine the Great, Kalmyks

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'

For citation: Orlov E. D. 'The Intention to Flee. Kalmyk Exodus to China Reviewed': Revisiting N. Palmov's Manuscript on the 1771 Kalmyk Exodus Housed by Kalmykia's National Archive (Collection P-145). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 1: 10–35. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-10-35

Введение

Жизненный путь Н. Н. Пальмова связан со становлением калмыковедения и зарождением архивного и музейного дела в Калмыкии. Сын священника, после окончания духовной академии работавший заведующим кафедрой в Киевской духовной академии, интересовавшийся историей и археологией, он работал профессором Астраханского университета, а в 1921 г. был назначен первым руководителем Калмыцкого архива и внес неоценимый вклад в изучение истории калмыцкого народа [Гучинов 1974; Наберухин 1974; Бурчинова 1978; Эрдниева 1989; Джалаева 2003; Джалаева 2007; Джагаева 2013; Джагаева 2018; Курапов 2018; и др.]. Н. Н. Пальмов возглавил Калмыцкий архив и историко-этнографический музей, созданные в 1921 г., и оставался руководителем архива до последних своих дней. На протяжении многих лет он

большое внимание уделял в своей работе научно-исследовательской деятельности, собирал материалы и делал выписки из архивных документов, на основе которых были написаны его основные труды по калмыковедению — «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» [Пальмов 1922; Пальмов 1992] и «Этюды по истории приволжских калмыков» в 5 частях [Пальмов 1926; Пальмов 1927; Пальмов 1929; Пальмов 1932]. В Национальном архиве Республики Калмыкия хранится его личный фонд (Р-145), в котором насчитывается свыше 400 единиц хранения — выписки, личные записи, другие документы, оставшиеся после смерти ученого. Из историков-калмыковедов он первым поставил цель исследовать все субэтнические группы калмыков [Джагаева 2018: 62]. В 2007 г. был издан сборник материалов по истории калмыцкого народа, состоящий из личных записей, выписок Н. Н. Пальмова, ныне находящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК) [Джалаева 2007: 3–25; Пальмов 2007]. Публикация этих источников сделала более доступной работу исследователей с рядом архивных документов из личного фонда Н. Н. Пальмова НА РК.

Цель данной статьи — рассмотреть один из документов из фонда Н. Н. Пальмова, дать оценку его информационного потенциала и представительности для изучения истории Калмыкии.

Архивный документ, хранящийся в составе личного фонда профессора Н. Н. Пальмова [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138], включает две части: краткий историографический обзор по теме и выписки из различных документов, перемежающиеся друг с другом на протяжении 46 страниц. В выписках сохраняется оригинальная орфография. Наиболее важные слова, фразы и предложения подчеркнуты автором рукописи. Н. Н. Пальмов приводит на полях страниц выписки из исследований по данной теме, имеющих определенное историографическое значение.

В историографии XVIII–XIX вв. господствующей позицией стало отношение к откочевке большей части калмыцкого народа под предводительством наместника ханства Убаши как к предательству со стороны калмыков, самого Убаши и владельцев. Так, Н. Я. Бичу-

рин считал, что калмыцкие владельцы стремились к полной самостоятельности. Царское правительство же вмешивалось во внутренние дела ханства исключительно «для утверждения прочного спокойствия в орде» [Бичурин 1854: 240]. Откочевку он считал актом неблагодарности и предательства [Бичурин 1854: 239–240].

К любопытной трактовке пришел Г. Н. Прозрителев, считавший причиной откочевки не только вмешательство «со стороны правительства во внутренние распорядки орды» и ограничение ханской власти, но и стремление Убаши «отвоевать у Китая исконные ойратские кочевья в Джунгарии», а также факт личной обиды на генерала Иоганна Фридриха фон Медема [Прозрителев 1912: 17].

Е. В. Дорджиева пришла к выводу о том, что сам замысел откочевки возник в среде владельцев и не был плодом раздумий Убаши [Дорджиева 2002: 74], в чем она согласна с М. М. Батмаевым [Батмаев 1993: 354]. Е. В. Дорджиева отмечает, что в конце 1760-х гг. калмыцкое общество находилось в тяжелом положении, связанном с тяготами русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Царское правительство намеренно держало калмыцкие улусы на правобережье Волги с целью привлечения калмыков к участию в войне. Истощение пастбищ, падеж скота, переориентирование калмыцкого общества целиком на нужды войны — все это стало благодатной почвой для педалирования идеи откочевки на территорию разгромленной цинскими властями Джунгарии. Исследователь считает, что основными инициаторами стали Лоузанг-Джалчин — верховный лама, зайсанг Даши-Дондук, нойоны Цебек-Доржи, Бамбар, Шеаренг [Дорджиева 2002: 72–74].

Сам Н. Н. Пальмов пришел к выводу о непосредственной вине двух человек за откочевку в Джунгарию: хана Убаши и нойона Цебек-Доржи, обвиняя первого в «слабоумии» и второго во «властолюбии», а также приводя свидетельство Бердю-Габунга о том, что простые калмыки не стали бы уходить на Восток, знай они о приближении царских войск [Пальмов 1992: 102–105].

Иного взгляда придерживался В. И. Колесник, считавший откочевку ответом традиционного кочевого общества на давление

извне, со стороны евразийской державы — Российской империи. Согласно концепции, которой он последовательно придерживался, с ростом численности населения до порога в 300 тыс. человек традиционные методы управления становятся неэффективными, что порождало все новые противоречия социально-экономического характера [Колесник 2003: 244–246].

А. В. Цюрюмов указывает на наличие идеи откочевки и создания суверенного государства в Азии еще со времен хана Аюки. Ученый считает, что подобные настроения в среде калмыцкой элиты не исчезали на протяжении всего XVIII в. Они подогревались вмешательством России в престолонаследие в Калмыцком ханстве. Переселение в Джунгарию, однако, было невозможно до 1758 г., когда было уничтожено Джунгарское ханство. Геноцид, осуществленный цинскими войсками, привел в запустение джунгарские кочевья. После этого, педалирование идеи ухода из России продолжилось с новой силой [Цюрюмов 2007: 361–363].

Документ из Национального архива Республики Калмыкия (Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. 46 с.) «Замысел бежать. О бегстве калмыков в Китай»

В документе, отложившемся в личном фонде профессора Н. Н. Пальмова, посвященном откочевке большей части калмыков на Восток в 1771 г., его составитель опирался как на архивные документы, так и на опубликованные материалы. Так, Н. Н. Пальмовым была сделана выписка из документа, опубликованного в 118 томе Императорского Русского исторического сборника, вышедшего в Санкт-Петербурге в 1904 г.¹, в котором говорится о требовании русских пограничных властей не пропускать бежавших калмыков в пределы Китая.

В ответ на требывание рус[ских] пограничных властей не пропускать в пределы Китая бежавших за р[еку] Яик калмыков, трибунал сообщает содержание указа богдыхана, в к[ото]ром

¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1867–1916. 148 т. Т. 118. Политическая переписка Императрицы Екатерины II: Ч. 7-я (годы с 1772 по 1773) / отв. за вып. Ф. Р. Остен-Сакен. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1904. xxxvi, 538 с.

объявляется в высокомерных выражениях, что калмыки явились к местному цзянь-цуню и к другим начальникам и заявили желание перейти в китайское подданство — «оттого, понеже, что Россия принимать их не может, отважились они на жизнь свою, не от другого чего, как от голоду». Если бы русское прав[итель]ство вознамерилось потребовать выдачи бежавших, то в этом ему будет отказано, тем более, что рус[ское] пр[авитель]ство постоянно отказывало, вопреки постановлений трактата, в выдаче бежавших в Россию зенгоров, в особенности Шерена и Лауджандапа (стр. 32 — Лоуянджап)².

Лист трибунала был доложен гос[ударственному] совету 22 ноября 1771 г.; 23 февр[аля] 1772 г. был читан и одобрен ответ на него³ [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 2].

Н. Н. Пальмов цитирует документ «Собственноручная записка Императрицы. По поводу листа из Китайского трибунала о бегстве калмыков за китайскую границу», составленный в декабре 1771 г. [Собственноручная 1904: 1].

Из данных, приводимых Н. Н. Пальмовым, следует, что в ответ на требование российских властей не пропускать калмыков в Китай цинский император Цяньлун издал указ, объявлявший о желании калмыков перейти в китайское подданство. Н. Н. Пальмов обращает внимание на сложившееся положение, приводя слова из китайского документа о невозможности предъявления Китаю жестких требований со стороны России о выдаче калмыков обратно, поскольку последняя сама неоднократно отказывала в выдаче китайским властям бежавших из Джунгарии ойратов, например торгутского нойона Шеаренга.

Ответ на известие об указе цинского императора был составлен по записке Екатерины II, присланной в Коллегию иностранных дел (далее — КИД) 7 декабря 1771 г.:

Писать бы к ним, что мошенники калмыки не только сами изменнически ушли, но и с собою много русских увезли, както Дудина с командою, и разбили русских купцов, и обокрали их. Придет

² Н. Н. Пальмов обращает внимание на различное написание имени.

³ Здесь и далее орфография и пунктуация источника сохраняется.

когданибудь с китайцами разделаться инако, нежели по сю пору делали [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 2].

Н. Н. Пальмов здесь ссылается на «Собственноручную записку императрицы» по поводу откочевки калмыков, составленную в декабре 1771 г. [Собственноручная 1904: 1].

Далее ученый приводит ответ российской стороны, который был обсужден 23 февраля 1772 г. на государственном совете и отправлен 9 марта 1772 г. китайской стороне.

Мы не сумневаемся, что вы не призывали и не подговаривали, но сего не довольно. Принятие вами калмыков, клятвопреступников и изменников... есть оскорбление соседства и дружбы между обоими империями. К[алмы]ки жили в благоденствии и удовольствии, и многими, не по достоинству своему благодеяниями и щедротами монаршими преизобилованы были... К[алмы]ки возмущались и пришли в неистовство отнюдь не по необходимости и не от нестерпимости бывшего своего жребия, о чем м[ожет] б[ыть] сожалеют, не по общему согласию, а по тайному разврату и коварным проискам некоторых из своих начальников, коим надлежало поступать подвластными своими... порядочным образом и в разбирательстве их дел беспристрастно, а то их корыстолюбию и самоугодию время от времени противно становилось, не рассуждая по слепоте своей и безумию, что от сего самого распоряжения и собственного их начальства важность зависела, а всех вообще польза и безопасность, почему единственно только их в (32⁴) злости затверделость и побудила их на побег и измену; потом, как предупели некоторых и из подвластных своих разными ложными, но тайными внушениями склонить себе последовать, к[ото]рым прочие уже и поневоле сообщниками быть стали [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 2об].

Речь идет о документе № 2166 «Лист в Китайский трибунал», отправленный 9 марта 1772 г., опубликованный также среди документов политической переписки императрицы Екатерины II (Н. Н. Пальмов приводит страницы источника: «32, 33») [Лист в

⁴ Н. Н. Пальмов приводит в скобках номер страницы в источнике [Лист в Китайский 1904].

[Китайский 1904: 31–35](#)]. Н. Н. Пальмов выбирает из всего документа самое важное, на его взгляд. Вместе с тем, в письме китайской стороне российская сторона также затрагивала вопрос о неоспоримости права на подданство калмыков Российской империи, чему, как писала российская сторона, подтверждением являются клятвы ханов и владельцев на верность императору российскому; вопрос о причине ухода калмыков и неудачи попыток из возвращения «в пределах» России; о захвате откочевавшими 150 россиян (Дудин и его команда, и другие); и др. [[Лист в Китайский 1904: 31–35](#)].

На это заявление российской стороны китайская сторона отреагировала объяснением прихода калмыков вследствие недостатка в содержании из-за поборов и пошлин, изнуренности военной службой. Н. Н. Пальмов выразил сомнение в возможности ухода такого большого количества людей по приказу «кучки» властвующих лиц.

№ 2379. На ответ кит[айского] трибунала, 22 июня 1773 г. послан еще лист (412–416⁵). Опровергается кит[айское] объяснение, что к[алмы]ки бежали от недостатка в содержани[и], от поборов с них пошлин, от изнурения покидали и службой. Китайцы не допуска-[Л. 3]ют, чтобы такое большое число могла уговорить к побегу кучка людей. К[алмы]ков наряжали только на службу, но «никаких поборов не платили» они. Именно, они возмутились, «не одним ковам⁶ и ухищрениям нек[ото]рых из своих начальников», что доказывает, «коль велика власть оставлена была ответственному калмыцкого народа правительству, поступившему на такое, в самом деле отважное предприятие единственно по неограниченному честолюбию, возмечтав те, кои оно составляли, по побеге учиниться важнейшими» (413) [[НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 2–3](#)].

В этом месте Н. Н. Пальмов приводит выписки из документа № 2379 «Проект ответа в Китайский трибунал на последний их

⁵ Н. Н. Пальмов указывает диапазон страниц в источнике: [[Проект ответа 1904: 412–416](#)], и далее в скобках даются номера страниц по источникам.

⁶ Устар.: козни, злой умысел.

лист о калмыках. По делу о бежавших калмыках» [[Проект ответа 1904: 412–416](#)] со своими комментариями. Для исследователя важна главная проблема исследуемой темы, он делает выписку того текста, который касается именно вопроса о причине откочевки. Вместе с тем проект ответа представляет собой чрезвычайно интересный документ: в нем говорится о дружественных странах (России и Китае), затрагивается вопрос, не может ли за конфликтной ситуацией последовать война, а также вопрос о продолжении торговли. Архивный документ, озаглавленный «Замысел...», содержит выписки исследователя, посвященные именно причинам бегства калмыцкого народа.

Заявление цинской власти российская сторона парировала словами, что калмыков снаряжали только на службу, но они «никаких поборов не платили». В этом Н. Н. Пальмов видит благосклонность российского правительства по отношению к калмыцким хану и владельцам: «коль велика власть оставлена была собственному калмыцкого народа правительству» [[НА РК Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 3](#)]. Условия жизни и положение калмыцкого народа в Российской империи он видит приемлемыми, прямо говоря, что лишь властолюбие нескольких лиц, возмущенных некоторым вмешательством царского правительства в дела Калмыцкого ханства, привело к откочевке. Вышеприведенное самим же Н. Н. Пальмовым сомнение цинских властей о возможности такого массового исхода людей по прихоти двух–трех человек остается без внимания.

В рассматриваемом документе на листе 3 кратко приводится предписание генерал-поручику Деколонгу⁷, находившемуся на Сибирских линиях, о разделении «беглых» калмыков на благонадежных и неблагонадежных и последующей их отправке в Оренбург. Царская администрация считала возможным наличие среди них шпионов: «не сыщутся ли в числе их иногда и нарочно подсланные». Н. Н. Пальмов ссылается на рескрипт оренбургскому

⁷ Иван Александрович Деколонг — с 1771 г. бывший командующий Сибирскими пограничными линиями.

губернатору Рейнсдорпу⁸ от 1 июля 1773 г., в котором говорилось о запрете на «сношения с оставшимися на Волге калмыками».

Далее Н. Н. Пальмов приводит цитату из работы К. И. Костенкова⁹:

На основании собранных мною данных может быть выведено заключение, что правительство русское, приняв калмыков в свое подданство и предоставив тайшам и нойонам управ[ление] калм[ыцким] народом и заботиться о его благосостоянии, не обращало должного внимания ни на потребности и нужды его, ни на его хозяйство. Правительственная заботливость об интересах калмыков на первых порах ограничивалась только указанием им места для продажи лошадей... Впоследствии все усилия правительства были направлены на то, чтобы склонять сначала ханов и нойонов, а потом и простой народ к немыслимой в то время для кочевых скотоводов оседлой жизни. Такого рода действия раздражали калмыков, усиливали их недоверчивость и, может быть, даже способствовали бегству их из России.

После ухода большей части калмыков из России правительство, раздав оставшиеся калмыцкие семьи владельцам, по прежнему не обращало внимание на положение их хозяйства, и только в конце прошедшего столетия, с поступлением некоторых улусов в казенное ведомство, начало исподволь принимать разные меры к развитию народного благосостояния [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 4].

Таким образом, Н. Н. Пальмов выделяет позицию К. И. Костенкова по отношению к оценке действий правительства. В тексте, однако, не приводится мнение о причинах откочевки К. И. Костенкова, который к ним относил: 1) увеличение количества казачьих станиц и русских поселенцев на Волге, что приводило к стеснению и нужде; 2) ограничение ханской власти; 3) создание военных порганичных линий по берегам Волги, Урала, Самары и Терека, ограничивших свободу кочевий; 4) намеренный роспуск слуха не-

⁸ Иван Андреевич Рейнсдорп — генерал-поручик, оренбургский губернатор в 1768–1781 гг.

⁹ Костенков Капитон Иванович — главный попечитель калмыцкого народа, генерал-майор.

которыми лицами духовенства о готовящемся изъятии большей части калмыцкой земли, обоседлении калмыков и создании из них особого войска; 5) высокие налоги, «от которых весь народ пришел в колебленность и беспокойство» [Костенков 1868: 120–121].

В рассматриваемом документе далее Н. Н. Пальмов использует архивные материалы. Им сделана выписка из дела 1771 г. за № 359, в которой говорится о М. С. Везелеве, коллежском комиссаре, уведенном ханом Убаши на Восток, но сумевшем бежать. Он давал показания дважды: первый раз 6 мая 1771 г. в Оренбурге, второй — в экспедиции калмыцких дел, учрежденной при канцелярии Астраханского губернатора для организации управления оставшимися калмыками после ликвидации Калмыцкого ханства рескриптом Екатерины II. В его показаниях появляется информация о подзывной грамоте Далай-ламы, отправленной еще при хане Дондук-Даши.

При втором показании он сообщал то, что «при первом случае запямятовал» (19), и чего не говорил в Оренбурге; так, в плену, «от многих из них калмык[ов]» он слышал, «яко бы сей их побег не по одному с российской стороны к ним неудовольствию воспоследовал, о котором по взятой с него, В[езеле]ва, в Оренбурге сказке упоминается, а более по подзыву боготворимого ими далай-ламы, которой де еще в то время, когда от бывшего хана Дондук-Даши и вообще от всего калмыцкого народа отправлены были к нему, далай-ламе, для поклонения калмыцкие посланцы, прислал к ним чрез оных подзывную свою грамоту, которою, обещая их к себе принять, дал им знать, что по его пророчеству, не прежде им сие намерение в действо произвести надлежит, как в 1770 или [1]771 годах для того, яко бы оное время к побегу их счастливым быть может, чем будучи калмыцкие владельцы уверены, хотя и прежде ево, хана, по возвращении тех посланцов к побегу склоняли, но он, признав оное за бесполезно, в том с ними не согласился.

С того же самого времени, как подзывная от далай-ламы грамота в калмыцком народе получена, непременно у главного в калмыцком народе начальника и у владельцев калмыцких намерение к побегу из протекции российской было, которое они имея и находясь в службе ее и[мператорского] в[елич]ества против не-

приятеля не с таким усердием поступали, как прежде, а сколько можно от ущербу своих людей предохраняли и берегли, о чем до ныне н[аместни]к отзывался, что он во время употребления калмыцкого войска против кубанских татар с досадою то видеть принужден был, когда кто из калмык[ов], не щадя живота своего к службе ревностно оказывался» (19) [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 5–6].

М. С. Везелев утверждал, что со времени получения грамоты Далай-ламы у калмыцких владельцев появилось намерение к «побегу». То есть, по его показаниям, причина откочевки — призыв Далай-ламы, что можно считать недостаточно убедительным аргументом в свете других источников, показывающих комплекс причин, вызвавших откочевку. Согласно приводимым А. В. Цюрюмовым данным, М. С. Везелев свидетельствовал, что Убаши всячески берег своих людей от участия в войне, вероятно, оттого, что уже за несколько лет до ухода из России имел намерение это совершить. Участие калмыков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., на фоне экономических трудностей, вызванных падежом скота и ограничительными мерами царского правительства, легло тяжелой ношей на плечи калмыцкого общества. Военные действия уже не приносили калмыкам былой добычи [Цюрюмов 2007: 331–332].

Царское правительство было заинтересовано в проживании калмыков в волго-яицком и волго-кубанском междуречьях. В случае ухода калмыков на Восток занимаемые земли могли быть заняты народами, лояльными Османской империи, что негативно бы сказалось на обороноспособности России на южных рубежах. В рескрипте астраханскому губернатору Н. А. Бекетову от 3 августа 1770 г. было дано наставление, как обращаться с калмыками, показывающее стремление России сохранить существующее положение дел:

Для нашей империи полезнее, чтоб калмыцкой народ и впредь оставался при настоящем своем роде жития и, расположением своим наполняя степи, между Кубани и Волги, и Волги же и Яика (29) лежащие, служил и в прикрытие тамошних границ, нежели в том общая произошла перемена, ибо при таких обстоятельствах

м[ожет] б[ыть] заняты были бы занимаемые ими места магометанскими кубанскими и киргиз-кайсацкими народами, во управлении своем большие затруднения причиняющими и для закона своего больше также и подозрительными. Следовательно, данное Замьяну дозволение и поселиться с своими подвластными ту главнейше имеет цель, чтоб со временем приобучить калмык к вящей людскости и распространяя в них, но без повреждения свойственной им поворотливости, нужные познания о должностях подданства, привести с прочими Астраханской губернии жителями в неразрывность, ни от каких приключений не зависящую, вместо того, что они теперь, по дикости подлых, будто еще иностранными кажутся, о чем о всем вам предписано [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 143. Л. 2]

Уход большей части калмыков в разгар русско-турецкой войны 1768–1774 гг. внес свои коррективы на характер боевых действий на Кубани и Кавказе. Астраханский губернатор Н. А. Бекетов 18 февраля 1771 г. писал генерал-фельдмаршалу З. Х. Чернышеву:

Еще до отправления моего из С[анкт]П[етербурга] калмыки были уже за Яиком, и так отняли у меня все способы ко исполнению выс[очай]шей воли, при сем случае на меня возложенной. Теперь остается на моем попечении единственно, чтоб избавиться от дальних беспокойств от здешних окружающих нас татар волнений, уходу калмык[ов] и обнажения чрез то Астраханского края. Я намерен оставших[ся] владельцев угovarивать, чтоб они, дав бедным хотя своих лошадей сколько можно более на будущую весну к де Медему калмыцкого войска выставили, дабы тем доказать можно было сим ветренникам, что у нас осталось еще число знатное калмык[ов]. А чтоб и они на оное согласились охотнее, стану я их прельщать добычею, могущею при помощи российских сил получить, в чем им ныне крайняя нужда настопит, ибо здесь большая половина осталась бесскотных, а степи пространные имеютя к скотоводству — их первому сокровищу и охоте. Только я не знаю, отчего бывшие в походах до сего с де Медемом не много на него надежды полагают — он им кажется солдатом более, чем генералом. А что до меня касается, то я об е[го] п[ревосходитель]ства, не зная ево, ничего сказать не могу (49), но из такого их о нем отзыва заключить должно с их сторо-

ны при (н)ем огридут (?) подобные сему успехи. Ведаю, м[ежду] п[рочим], что при нынешнем обстоятельстве в генералах везде не без нужд. При том сказать можно: которые бы людей удивляли, таковые и в целом свете веками рождаются. Со всем тем, оной генерал — человек не молодой (зачеркнуто старый) и больной, а потому, конечно, к скорым оборотам, требующим(ся) при таком войске конечно желательно способным быть не может, при всех свои прочих достоинствах. Я сие пишу только единственно для в[ашего] с[иятель]ства сведения, дабы вы вернее о нас, в случае нужды, рассуждать могли. В прочем, препоручая себя в непрерывную вашу милость, я с глубочайшим почтением остаюсь [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 7–8].

В данном отрывке, выделенном Н. Н. Пальмовым и включенном в его записи об откочевке калмыков, мы можем видеть любопытную деталь: сомнение Н. А. Бекетова в способностях генерала И. Ф. фон Медема, конфликт с которым, как известно, произошел у хана Убаши в 1770 г. [Очиров 2012: 335].

Н. Н. Пальмов кратко привел письмо Н. А. Бекетова Н. И. Панину:

...калмыки еще до отбытия моего из Петербурга за Яик перешли, произведя здесь много злодейственных дел. И слава Богу, что тогда Волга не дозволила им на нагорную сторону ни коим образом перебраться, — а то бы они такое действие исполнили, что редко в историях обретается... что велено от меня собрав сделать от всей губернии ведомость варварского их похищения и переписать оставшие от беглых владетелей кибитки. Теперь мое все попечение — оставших[ся] калмык[ов] привести в спокойные мысли. Они весьма расстроены, п[отому] ч[то] от большие части родные дети или отцы, кои здесь остались, самые туда пошли. Сей треклятой изменник желал было всех силою к побегу с ним принудить, по об'явлении своего намерения, но Волга от того и от прочего варварства его удержала. Здесь оных оставших[ся] калмык[ов] по примеру считается до 20,000 мужеска полу душ, только все люди почти не имеющие скота. И для того он не мог их под видом войны на луговую сторону перетасить собою... [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 8–9].

В этом письме далее астраханский губернатор Н. А. Бекетов (который в момент откочевки калмыков был в столице и отбыл из Петербурга в Астрахань, как он сам отмечал, когда калмыки уже были за Яиком) [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 8]) обвинял управляющего калмыцкими делами И. А. Кишенского в задержке уведомления оренбургского губернатора о «побеге» калмыков. Он рассуждает об упущенной возможности, считая, что своевременное предупреждение и перехват калмыков привели бы их в «задумчивость о дальнейших их безрассудных предприятиях». Астраханский губернатор слукавил в письме. На протяжении нескольких лет владелец Хошеутовского улуса Замьян предупреждал его об обсуждении идеи ухода в среде хана и ряда владельцев и потенциальной возможности оного. Снимая с себя ответственность, он просит генерал-фельдмаршала З. Х. Чернышева отрезать от калмыцких дел И. А. Кишенского и разрешить работать с переводчиком Ворониным. 1 марта 1771 г. И. А. Кишенский был отречен от калмыцких дел ордером за подписью Н. А. Бекетова, после чего был отправлен в коллегию иностранных дел [НА РК. Ф. Р0145. Оп. 1. Д.138. Л. 11].

Н. Н. Пальмов приводит отрывок из доклада губернатора к императрице Екатерине II от 17 февраля 1771 г., в котором он оправдывается за уход калмыков, но сообщает интересные сведения о причинах откочевки:

Усерднейший из всех к в[ашему] в[еличе]ству владелец Замьян, которой первой проникнув в тайну сего злого их умысла посредством сестры своей родной, а наместниковой мачехи и ныне на вопрос мой о причине побега их об'являет: 1) что калмыки большим числом командировкою в Крым были весьма не довольны. 2) А при том посланные не в давне и безпозволения, как прежде ими чинено было по указам, с подарками к далай-ламе, их первому богу, люди по прибытии своем чрезвычайно хвалили милость тамошнего богдыхана к пришельцам, 3) что владельцы огорчились много данною наместнику над ними властью, кою он во зло употребляя, к чему и Кишенской с своей стороны, не меньше ж (об.) ему в том способствуя, довел до такой всех их крайности, что они, при

необоримом здеишем защищении в наглых ево поступках против их, другой дороги не нашли, как воспользоваться ево глупостью отведением ево от такой сильной протекции, не размышляя уже в злобе своей на него и в собственной своей погибели... [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 11–12].

Эти сведения контрастируют с устоявшимся в историографии мнением об ограничении ханской власти и увеличении роли нойонов, в результате реформы суда Зарго в 1762 г. Причины, по которым Замьян (или Н. А. Бекетов, вложив в уста последнего), утверждает об усилении ханской власти, не ясны. Губернатор продолжает развивать мысль в этом ключе, заявляя о принуждении владельцев преклониться перед Убаши, в чем они видели несправедливость.

В этом докладе также оглашена причина откочевки, которую объявил наместник «в народе»:

...что как де они не усердствуют, но вся их служба ни во что приемлется, и жаловаться им за то не дают. Детей их знатных хотят брать в аманаты, а подлых набирать равно с русскими в солдатскую службу, о чем де он уже и указ имеет, что единогласно об'являют возвратившиеся из побегу, коих не более 10 человек является [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 12–13].

Он продолжает, сообщая, что «многие слышали от многих подозрительные в злом их умысле разговоры, но никто более не отважился о том где надлежит сказывать» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 15]. Н. А. Бекетов в письме императрице писал о нарушениях со стороны И. А. Кишенского: «владельцы вкупе с ним от н[аместни] ка притесняемы были, а потому управлять их делами допустить ево, при нынешней их расстройке, кажется весьма неудобным, не упоминая с моей стороны на него безнадежности» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 14]. Подозрение вызывало теперь у губернатора то, что И. А. Кишенский не доложил о необычной зимовке на луговой стороне Волги вместо обычной — на Кубани, а также о его потворстве мыслям наместника ханства о возможности идти войной против казахов. При этом «когда ему всеми указами повелевалось с ними быть неотлучно, оставил ни для чего законного, да и ниче-

го видимого не делал, кроме упражнения в веселостях в Астрахани о рождении своего внука, с правящим после меня губернаторскую должность, с сватом своим, советником и губернаторским товарищем Барановым...» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 14]. Понятны попытки губернатора Н. А. Бекетова переложить ответственность на управляющего калмыцкими делами И. А. Кишенского, но они выглядят неубедительными. Тем более, что и хошеутовский нойон Замьян, и хан младшего жуза Нуралы предупреждали центральное правительство о готовившемся уходе калмыков [Цюрюмов 2007: 342]. На следующем листе, однако, сам губернатор сообщает причину своего негативного отношения к управляющему:

По получении гневного ко мне о том [невоспрепятствование уходу калмыков] из коллеги в[семилостивейше]го рескрипта, г[осподин] Кишенский к возвеличанию себя, а к моему вящему оскорблению, старался везде разглашать непозволительным образом. И до того было довели, что и вообразить человечеству ужасно [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 15].

В этих словах, вероятно, содержится причина отречения И. А. Кишенского от калмыцких дел и многочисленные обвинения в его адрес со стороны губернатора.

В рассматриваемом документе Н. Н. Пальмов приводит далее прошение Н. А. Бекетова о награждении лояльных империи владельцев подвластными людьми. В особенности одарить кибитками он предлагает Замьяна — владельца Хошеутовского улуса за «ево отменное усердие к российской стороне, за которое он н[аместни]ком совсем был ограблен отведением у него сына его родного с самую большую частью ево улуса» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 23].

Н. Н. Пальмов обращает внимание на предложение Н. И. Панина о привлечении к управлению калмыками лиц, показавших преданность российской власти: «13 мая 1771 г. Панин, в намерении «Предварительно из'ясниться», пишет Бекетову (83–84¹⁰), что к временному правительству у калмыков, д[олжен] б[ыть] привле-

¹⁰ Ссылка на листы в источнике.

чен кн[язь] А. Дондуков, «Как по природе своей — владелец калмыцкой, а по усердию и закону своему — наш человек» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 23]. В выписке приведен отрывок ответа Президента Коллегии иностранных дел — Н. И. Панина, ставившего под сомнение идею разделения оставшихся калмыков и их распределения среди лояльных империи владельцев: «В виде временной меры и непременно с общего согласия владельцев можно произвести распределение калмыков, „поруча князю ли Дондукову, или и на себя перенимая попечение, чтоб с них оные владельцы не больше собирали, как сколько по их законам установлено, и издревле в обыкновении, и издревле сии люди напрасно по их прихотям изнуряемы не были б“» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 24–25]. Н. Н. Пальмов обращает внимание на объективность представителя Коллегии иностранных дел, который в работе коллегии опирался на традиции народов, входивших в сферу его компетенции.

В рассматриваемом документе Н. Н. Пальмов также делает выписки их архивного документа по проблеме привлечения оставшихся в 1771 г. калмыков для охраны границ, в том числе в свете возможного возвращения части откочевавших. Подробно расписано положение России на Кубани и Северном Кавказе, в частности, едисанская и буджакская орды, которые, по словам Н. И. Панина, писавшего об этом астраханскому губернатору Н. А. Бекетову, перешли с российского разрешения Дон и стали жить на кубанской стороне. В сложившихся обстоятельствах он возлагает задачу охраны российских пределов на Кубани едисанцам и буджакцам. И. Ф. фон Медему дается указ держать «в спокойствии горские народы от Кизляра до Моздока» [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 24]. В этом случае, предполагает Н. И. Панин, возможно, и не возникнет нужда в использовании калмыков для охраны российских границ [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 24].

В деле красной нитью прослеживается традиционное мнение дореволюционной историографии о вине владельца Шеаренга, оказавшего существенное влияние на наместника Убаши, за откочевку. Н. Н. Пальмов приводит письмо оренбургского губернатора

И. А. Рейнсдорпа к управлявшему калмыцкими делами И. А. Кишенскому от 10 марта 1769 г.:

Вчерашнего числа получил я здесь Илецких казаков, от атамана рапорт странное известие: имеющей будто владелец Шаренг в числе трех тысяч кибиток к Нурали, хану Кайсацкому, в подданство пришел! как то в[аше] в[ысоко]б[лагоро]дие можете усмотреть из сообщенной у сего копии.

И хотя то как от киргизца происшедшее известие не можно за вероятное почитать, тем паче, что здесь известия о том нет, однакож я, по настоящим обстоятельствам не мог оставить без уважения: 1^е, не известились ли они, кайсаки, о том, что калмыки со владельцами их ныне находятся на границах Российской империи, и не хотят ли, воспользовавшись тем, напасть на оставшие[ся] их улусы? 2^е, будучи владелец Шеаренг в колеблемом его состоянии здесь известен, то нет ли и в самом деле таких от него покусителей, которые он и прежде имел уйти по каким-либо причинам в Кайсацкую орду?

Может быть, как здесь мнится, оставились в улусах своих, а потому и не производит ли какой с ханом корреспонденции. Итак я, в предварение того, войску яццкому определил на форпостах их продолжать строжайшую предосторожность, а в[аше] в[ысоко]б[лагоро]дие прошу меня уведомить (522), в каком он, Шеаренг, теперь состоянии и где находится, как и вся Калмыцкая орда, а при том и с вашей стороны не токмо о том разведание, но и надлежащую по причине сего предосторожность учинить [НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 138. Л. 30–30об.].

Переписка между управляющим калмыцкими делами и оренбургским губернатором, посвященная обсуждению возможного ухода Шеаренга к казахам, приводится Н. Н. Пальмовым на нескольких листах, что свидетельствует о его интересе к этому сигналу о возможной близкой откочевке. Поскольку имя Н. А. Бекетова в ней не упоминается, можно сделать вывод, что губернатор не придавал значения этому факту, восприняв полученное известие за интриги владельцев.

Рассматриваемый документ включает в самом конце также выписку об одном деле более раннего периода, когда в при хане Дон-

дук-Даши после ссоры между владельцем Тукчи и его женой Эсен последняя собралась бежать в Джунгарское ханство к Галдан-Церену. Случай, не завершившийся уходом на восток, обсуждался на разных уровнях.

Заключение

Архивный документ представляет значительный интерес. В-первых, раскрывается переписка царских чиновников с Санкт-Петербургом касательно откочевки большей части калмыцкого народа в 1771 г., во-вторых, в тексте имеются собственные пометки Н. Н. Пальмова на полях, которые акцентировали внимание на, как казалось ученому, наиболее важном.

Приведенные сведения об источнике и процитированные отрывки содержат информацию как об исследуемом предмете, так и, косвенно, дают сведения о личных взглядах Н. Н. Пальмова. Как источник изучения причин откочевки калмыков в 1771 г. данный материал разносторонен и позволяет составить общее представление как об исследуемой теме, так и об охвате Н. Н. Пальмовым доступных ему источников. Вместе с тем сведения, собранные в отдельном архивном деле, с точки зрения современного исследователя являются недостаточными, и это отражает условия, в которых работал исследователь. В приводимых материалах не достает освещения проблемы со стороны. Не приведены источники оренбургской канцелярии, письма хана младшего жуза Нурали и т. д. Для создания полной картины причин откочевки калмыков в 1771 г. современному исследователю требуется привлечение сторонних источников, что и было сделано в ряде современных исследований по теме.

Однако в сложнейших условиях 20-х гг. прошлого столетия, когда над рассматриваемой исследовательской темой работал Н. Н. Пальмов, сбор и введение в научный оборот разных источников были трудно осуществимы, поэтому основной упор им сделан на официальные опубликованные источники и архивные материалы, которые он изучал в процессе становления архивного дела в возглавлявшемся им архиве. В тексте имеются краткий истори-

ографический обзор, представленный цитатой К. И. Костенкова — главного попечителя калмыцкого народа, о безразличии, на его взгляд, царского правительства к нуждам калмыков, что сыграло не последнюю роль в принятии решения об уходе элиты калмыцкого народа на Восток. Интерес представляет фрагмент переписки Цинской империи и России, в котором последняя обвиняет Цин в принятии «клятвопреступников» у себя. Из переписки видно, что царские чиновники обвиняли Шеаренга — бежавшего из Джунгарии в период ее разгрома торгутского нойона, прикочевавшего в 1758 г. к сибирским владениям России. Считалось, что именно он в течение более 10 лет убеждал калмыков уйти в Джунгарию. Определенную роль в решении уйти из пределов России оказала и Цинская империя, просившая казахских султанов пропустить калмыков через свои кочевья [Цюрюмов 2001: 14]. Н. Н. Пальмов приводит сведения о том, как астраханский губернатор оправдывается и извиняется перед императрицей Екатериной II за калмыцкий «побег». Царская администрация, тем не менее, обладала сведениями о возможном побеге, полученными из писем владельца Замьяна, сообщавшего в них губернатору Н. А. Бекетову о намерении значительной части владельцев уйти в Китай. Более того, коллежский комиссар М. С. Везелев, уведенный ханом Убаши во время откочевки, но сумевший сбежать из калмыцкого плена, вернувшись в Россию, показал, что главной причиной откочевки стала «подзывная» грамота Далай-ламы [Батмаев 1993: 354].

Из приведенного фрагмента записей Н. Н. Пальмова видно, что Н. А. Бекетов сосредоточил свои усилия на удержании оставшихся калмыков в Нижнем Поволжье. Он выдвинул предложение собрать максимальное число калмыков, какое только можно найти в оставшихся улусах, вооружить их и использовать в войне против турок, дабы не появились у противника сомнения о наличии калмыков в пределах России. Таким образом, Н. Н. Пальмов рассматривал проблему комплексно, в контексте и внутренней, и внешней политики Российского государства.

После ухода большей части калмыцкого народа астраханский губернатор Н. А. Бекетов видел главной своей задачей удержать

оставшихся калмыков от побега, что он и писал президенту коллегии иностранных дел Н. И. Панину от 17 февраля 1771 г. [[Белоусов 2009: 30](#)].

Данные, представленные в этом источнике, показывают противоречивость причин откочевки большей части калмыцкого народа в направлении разгромленной к тому времени цинскими войсками Джунгарии в 1771 г. Из дипломатической переписки России и Китая также видно, что последний считал «бегство» калмыков из пределов России вынужденным шагом, в связи с бедственным положением, а также был заинтересован в поселении калмыков на территории бывшего Джунгарского ханства. Российская сторона, напротив, требовала возвращения «мятежников».

Исследуемый источник несет на себе отпечаток дореволюционной историографии, для которой было характерно всецелое обвинение калмыцкой стороны и подчеркивание филантропии царского правительства по отношению к калмыцкому народу. Сам Н. Н. Пальмов пришел к выводу о вине конкретных людей за откочевку. Тем не менее он привел цитату К. И. Костенкова о вине царского правительства в пренебрежении нуждами калмыцкого народа, что, отчасти, отражает мнение самого Н. Н. Пальмова, характеризует его взгляд как переходный от дореволюционного на современному, в рамках которого подчеркивается комплексность причин откочевки.

Н. Н. Пальмов во время написания «Очерков по истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» использовал не только материалы, сведения о которых приведены в нашей статье. По всей видимости, другие черновые записи, выписки, сделанные им в ходе подготовки публикации, не сохранились. В частности в данном деле нет никаких ссылок или упоминаний на допросы калмыков, полученные уже после ухода большей части калмыков на Восток [[Пальмов 1922: 68–70](#)]. Пометки на полях текста, подчеркивания, как казалось самому исследователю, самого важного демонстрируют его собственный взгляд на это историческое событие, что имеет свою ценность для изучения деятельности Н. Н. Пальмова, его жизнеописания.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Лист в Китайский 1904 — Лист в Китайский трибунал // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 118. Политическая переписка Императрицы Екатерины II: Ч. 7-я (годы с 1772 по 1773) / отв. за вып. Ф. Р. Остен-Сакен. СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1904. С. 31–35.
- Проект ответа 1904 — Проект ответа в Китайский трибунал на последний их лист о калмыках. По делу о бежавших калмыках // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 118. Политическая переписка Императрицы Екатерины II: Ч. 7-я (годы с 1772 по 1773) / отв. за вып. Ф. Р. Остен-Сакен. СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1904. С. 412–416.
- Собственноручная 1904 — Собственноручная записка Императрицы. По поводу листа из Китайского трибунала о бегстве калмыков за китайскую границу // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 118. Политическая переписка Императрицы Екатерины II: Ч. 7-я (годы с 1772 по 1773) / отв. за вып. Ф. Р. Остен-Сакен. СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1904. С. 1.

Литература

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.
- Белоусов 2009 — *Белоусов С. С.* Восстановление порядка и управления в калмыцких кочевьях после откочевки в 1771 г. в Джунгарию большей части калмыцкого народа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 30–33.
- Бичурин 1854 — *Бичурин Н. Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. Мед. Департ. м-ва внутр. дел, 1854. 108 с.
- Бурчинова 1978 — *Бурчинова Л. С.* Ученый, педагог, человек: биографический очерк о Н. Н. Пальмове. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 36 с.
- Гучинов 1974 — *Гучинов М. И.* Н. Н. Пальмов — организатор архивного дела в Советской Калмыкии // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 11. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 76–89.
- Джагаева 2013 — *Джагаева О. А.* О научной и педагогической деятельности профессора Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 30–33.

- Джагаева 2018 — *Джагаева О. А.* Вклад профессора Н. Н. Пальмова в развитие исторической науки в Калмыкии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 4 (57). 2018 С. 58–63.
- Джалаева 2003 — *Джалаева А. М.* К биографии профессора Н. Н. Пальмова // Пальмовские чтения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Элиста: [б. и.], 2003. С. 54–60.
- Джалаева 2007 — *Джалаева А. М.* Предисловие // Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. С. 3–25.
- Дорджиева 2002 — *Дорджиева Е. В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках, М.: Вост. лит. РАН, 2003. 286 с.
- Костенков 1868 — *Костенков К. И.* Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1868. 162 с.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Н. Н. Пальмов о буддийском духовенстве калмыков в XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2018. № 2 (38). С. 19–25.
- Манджикова 2021 — *Манджикова Л. Б.* О вкладе Н. Н. Пальмова и его соратников в становление архивного дела Калмыкии. 1918–1934 гг. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XIII. Астрахань: Изд. Сорокин Р. В., 2021. С. 220–225.
- Наберухин 1974 — *Наберухин А. И.* Н. Н. Пальмов об эволюции политического строя Калмыцкого ханства // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и науки. Вып. II. Элиста: КНИИЯЛИ. 1974. С. 23–28.
- Очиров 2012 — *Очиров А. В.* Участие калмыков в войнах России (первая треть XVIII – начало XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 9 (113). С. 333–338.
- Пальмов 2007 — *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Пальмов 1992 — *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 158 с.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 139 с.

- Пальмов 1992 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Изд. 2-е. / предисл. Л. С. Бурчиновой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 158 с.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I. XVII и начало XVIII века. Астрахань: Изд. Калмоблисполкома, 1926. 264 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. Астрахань: Изд. Калмоблисполкома, 1927. 230 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и Ч. III и IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Изд. Калмоблисполкома, 1929. 391 с.
- Пальмов 1932 — Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. V. Дела земельные. Астрахань: Изд. калмоблисполкома, 1932. 185 с.
- Прозрителев 1912 — *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Ставрополь: Тип. губернского правления, 1912. [355] с. разд. паг., 16 л. илл.
- Цюрюмов 2001 — *Цюрюмов А. В.* О причинах откочевки калмыков в Китай в 1771 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. С. 10–15.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Эрдниева 1989 — *Эрдниева К. О.* Летописец калмыцкой истории // Теегин герл. 1989. № 2. С. 94–95.